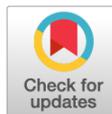

К вопросу о перспективах развития института соучастия в преступлении и его правоприменения в современных условиях

Мондохонов Андрей Николаевич,

кандидат юридических наук,
первый заместитель прокурора Республики Хакасия
E-mail: andrmon1@yandex.ru

Аннотация. Автором на основе проведенных исследований сделан вывод о перспективах развития института соучастия в преступлении и его правоприменения в современных условиях. В целях унификации института соучастия и групповой преступности предлагается заменить квалифицирующий признак совершения преступлений «группой лиц» и «группой лиц по предварительному сговору» на квалифицирующий признак совершения преступлений «в соучастии или с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность», исключить квалифицирующий признак совершения преступлений «организованной группой» с одновременной криминализацией создания, руководства и участия в организованной группе. На основе опыта международного законодательства, а также уголовного законодательства зарубежных стран обосновывается целесообразность имплементации в российское уголовное законодательство числовых критериев разграничения организованных групп и неорганизованных. Делается особый акцент на интенсивном развитии информационно-телекоммуникационных технологий, что обуславливает дистанционность и анонимность вовлечения соучастников в преступную деятельность, в том числе в террористическую, экстремистскую, в наркопреступность.

Ключевые слова: соучастие; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; преступное объединение; экстерриториальность; квалифицирующий признак; опыт зарубежных стран; формализация; числовой критерий.

Вопросы ответственности за совершение преступлений в соучастии продолжают оставаться актуальными, так как групповая и организованная преступность по-прежнему представляют высокую общественную опасность для всех без исключения объектов преступных посягательств.

По итогам 2018 г. в Российской Федерации в составе преступных групп совершено 98821 преступление, в том числе группой лиц — 4084, группой лиц по предварительному сговору — 79109, организованными группами совершено 13744, преступными сообществами (преступными организациями) — 1844 преступлений. Привлечено к уголовной ответственности по результатам предварительного расследования 127015 участников преступных групп, в том числе групп лиц — 7239, группы лиц по предварительному сговору — 10083, организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций) — 9693¹.

Обращает внимание динамика регистрации таких преступлений, которая для преступлений, совершенных группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, носит нисходящий характер (-6% и -5,7% соответственно), в то время как для преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, характеризуется восходящей статистикой (+5,2%).

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о все более широком распространении организованных форм нарко-, кибер-, коррупционной и террористической преступности, что требует совершенствования уголовного законодательства, регламентирующего вопросы соучастия и ответственности за организацию преступных объединений.

Проведенное исследование показывает, что в современных условиях становятся востребованными новые направления развития противодействия групповой и организованной преступности, что обуславливает уголовно-правовую корректировку института соучастия в преступлении. На наш взгляд, перспективы развития

¹ Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://www.genproc.gov.ru> «Статистические данные» (дата обращения: 01.02.2019).

института соучастия в отечественном уголовном законодательстве видятся в следующих направлениях.

Во-первых, в следственной и судебной практике продолжает оставаться неразрешенной проблема квалификации преступлений по признаку «группы лиц по предварительному сговору», при котором по определенным составам преступлений, предусмотренным Особенной частью УК РФ, институт соучастия искусственно ограничивается непосредственным выполнением участниками полностью или частично объективной стороны преступления.

Так, согласно постановлению Президиума Верховного Суда Российской Федерации, «по смыслу закона убийство признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, когда два или более лица заранее договорились о его совершении и, действуя совместно, с умыслом, направленным на убийство, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего. Из этого следует, что убийство, совершенное группой лиц, предполагает не менее двух исполнителей, совместно выполнявших объективную сторону данного преступления»².

Как справедливо заметил Н.Г. Иванов, сложившаяся судебная практика, в сущности, разграничивает соучастие и групповую преступную деятельность, хотя совместность как раз и предполагает сговор, являющийся непременным атрибутом соучастия, которое вообще немислимо рассматривать вне рамок группового посягательства³.

Следовательно, окончательная квалификация деяний соучастников по факту не зависит от наличия или отсутствия предварительного сговора. Иными словами, предварительный сговор между соучастниками не отражает квалификацию деяния по признаку «группы лиц по предварительному сговору». Поэтому, на наш взгляд, наличие сговора не может быть основанием для уголовного преследования, а существование в уголовном законе классификации форм соучастия по степени согласованности непрактично.

Кроме того, не разрешен научный спор о квалификации деяний, совершенных субъектами преступлений совместно с лицами, не способными нести уголовную ответственность по причине недостижения возраста либо невменяемости. В частности, А.И. Рарог, анализируя аргументы сторон, замечает, что несмотря на весьма серьезные соображения в пользу сторонников

социальной оценки групповых преступлений, вряд ли можно теоретически безупречно доказать, что группа лиц как одна из форм соучастия имеется в преступлении, в совершении которого участвовал лишь один субъект наряду с лицами, не обладающими признаками субъекта. Поэтому для окончательного решения поставленной проблемы необходимо уточнить позицию законодателя⁴.

Полагаем, что прекращение дискуссий возможно путем исключения из действующего уголовного закона квалифицирующих признаков «совершенное группой лиц» и «совершенное группой лиц по предварительному сговору» с одновременной заменой в определенных статьях Особенной части УК РФ квалифицирующего признака — «совершенное в соучастии или с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность». Такой квалифицирующий признак позволит сформировать единообразные толкование и правоприменительную практику в отношении преступлений, совершенных совместно двумя или более лицами. Ведь, несмотря на мнение о более высокой общественной опасности группового способа совершения преступлений, суть остается одной — преступление совершается умышленно и совместно, и общественно опасные последствия наступают от умышленных совместных деяний двух или более лиц.

Другими словами, «совместность выражается в том, что преступление совершается взаимосвязанными и взаимообусловленными действиями (или бездействием) участников, они влекут единый для участников преступный результат и, наконец, между действиями каждого соучастника, с одной стороны, и общим преступным результатом — с другой, имеется причинная связь»⁵. Поэтому принципиальных уголовно-правовых различий между совершением преступления «группой лиц», «группой лиц по предварительному сговору» и «в соучастии» не имеется, а значит, нет объективной необходимости в их искусственном противопоставлении.

Предложенное законодательное решение позволит оптимизировать правоприменительный процесс, минимизировать квалификационные ошибки, соответственно, сократить бюджетные издержки и обеспечить реализацию принципов справедливости и равенства граждан перед законом.

Высокая степень общественной опасности создания организованной группы должна соответствовать общественной опасности

² БВС РФ. 2007. № 11. С. 7-8.

³ См.: Иванов Н. Критерии разграничения преступных группировок // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 47.

⁴ Качество уголовного закона: проблемы Общей части / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2016. С. 91.

⁵ Гаухман Л.Д. Соучастие в преступлении. М., 1998. С. 238.

организации любого иного преступного объединения. В связи с этим, наряду с указанной унификацией квалифицирующего признака «совершенное в соучастии или с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность», представляется неизбежной криминализация создания, руководства и участия в организованной группе с исключением из соответствующих составов преступлений Особенной части УК РФ квалифицирующего признака «совершенное организованной группой».

Таким образом, преступления, совершенные в составе организованных форм соучастия, будут квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусматривающими ответственность за создание, руководство или участие в преступных объединениях, в том числе в организованной группе⁶.

Следующим направлением в развитии института соучастия в преступлении видится введение числового критерия соучастников в составе организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций) и иных видов преступных объединений.

Ратифицированная Российской Федерацией Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (далее по тексту — Конвенция) установила конкретный критерий, касающийся числа участников «организованной преступной группы» и составляющий не менее трех лиц. Однако после ратификации Конвенции российский законодатель не внес изменения в численный состав организованной группы или преступного сообщества (преступной организации). Поэтому в соответствии со ст. 32 УК РФ организованной может признаваться группа из двух лиц. Кроме того, «численность участников преступных групп не определяется ни в основных, ни в квалифицированных, ни в особо квалифицированных составах преступлений»⁷.

При очевидности минимального количества участников, например, незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ) или преступного сообщества (преступной организации) (ст. 210 УК РФ), более двух лиц, действующее уголовное законодательство ориентирует правоприменителя на возможность объективного существования организованных групп и преступных объединений, состоящих из двух лиц,

⁶ В качестве преступных объединений мы рассматриваем такие виды объединений, за создание, руководство и участие в которых предусматривается уголовная ответственность и которые указаны в ч. 5 ст. 35 УК РФ (ст. 205⁴, 208, 209, 210, 282¹ УК РФ).

⁷ Белова Н.В. Признаки соучастия в современном российском уголовном праве // Закон и право. 2014. № 2. С. 66.

Признак организованности предполагает устойчивость преступной группы или преступного объединения.

Исходя из анализа практики противодействия организованной преступности, вызывает серьезные сомнения справедливость привлечения к уголовной ответственности участников организованной группы, состоящей из двух человек, чьи, возможно, личные взаимоотношения правоприменитель уполномочен рассматривать в качестве криминализованного признака устойчивости организованной формы соучастия. Представляется, что какими бы устойчивыми ни были взаимоотношения между двумя лицами, уголовно-правовое значение организованности требует большего количества субъективных связей между соучастниками для вывода об устойчивости и организованности преступного объединения.

Следует отметить, что для «организации» и «организованности» характерны такие свойства, как согласованность, планомерность, упорядоченность⁸. Из смысла уголовного закона следует, что организованная группа и иные преступные объединения, осуществляющие в организованных формах преступную деятельность, представляют собой сложные организационные конструкции, позволяющие эффективно и результативно совершать преступления. Может ли совершенное преступления двумя лицами признаваться сложной формой взаимодействия соучастников, требующей согласованности, планомерности и упорядоченности? Думается, что нет. В противном случае, что считать несложной формой взаимодействия? Оценочный характер признака устойчивости создает условия для нарушения принципа равенства граждан перед законом.

Кроме того, на наш взгляд, позиция правоприменителя при квалификации деяний соучастников по признаку организованной группы или иного преступного объединения всегда будет увереннее и убедительнее при численном составе не менее трех лиц, чем в случаях участия в преступлениях двух лиц.

Именно по пути формализации числового критерия и сложности структуры преступного объединения следует развитие международного (Конвенция) и национального уголовного законодательства ряда зарубежных стран (США, Италия, КНР, Украина, Литва и Эстония и др.). Так, в уголовном законе Италии объединение для совершения преступлений состоит из трех или более лиц, а по американскому Закону о постоянно действующем преступном предприятии (ССЕ) 1970 г. — пяти и более лиц.

⁸ Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов. URL: <http://www.gallicismes.academic.ru> (дата обращения: 01.02.2019).

Полагаем, что российское уголовное законодательство также в дальнейшем воспримет современный опыт зарубежных стран и формализует минимальный численный состав организованных групп и преступных объединений, что значительно упорядочит правоприменительную практику.

С формализацией числового критерия участников преступных объединений неразрывно связана формализация преступной деятельности, которая в некоторых зарубежных странах признается основанием для уголовного преследования.

В частности, по закону ССЕ требуется, чтобы руководитель или организатор группы совершил не менее трех нарушений законов о наркотиках. По Закону о борьбе с организованной преступностью и коррупцией 1970 г. (18 Свод законов США, параграфы 1961–1968), более известному как Закон RICO, совершение двух преступлений из перечня, содержащего свыше 50 видов преступлений, которые государство признало «рэкетирской деятельностью», в течение десяти лет служит основанием для уголовного преследования организованных групп за все противозаконные действия независимо от их взаимосвязанности и единого умысла. Понятие «организационного сговора» подразумевает договоренность об участии в делах криминального предприятия путем совершения двух и более актов рэкетирской деятельности для достижения целей этого предприятия⁹.

Исходя из изложенного, считаем, что в перспективе развитие отечественного уголовного законодательства будет осуществляться путем формализации конкретных числовых составляющих.

Третьим направлением является корректировка института соучастия в преступлении с учетом интенсивного развития современных информационно-коммуникационных средств.

Начало XXI в. характеризуется быстрыми темпами развития и распространения в мире, в том числе в России, информационно-коммуникационных технологий, что существенно сказалось на способах совершения преступлений. Возможность осуществления преступной деятельности на дистанционной и анонимной основе обусловила значительный рост числа преступлений корыстной, террористической и экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет. И конечно, данный сегмент не был оставлен без внимания лиц, занимающихся незаконным оборотом

наркотических средств и психотропных веществ.

И если несколько лет назад случаи, когда организатор и руководитель организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) осуществлял подбор руководителей структурных подразделений и участников и их вовлечение в преступную деятельность посредством переписки в сети Интернет, носили единичный характер, то в настоящее время такая схема работы преступных объединений превратилась в объективную необходимость с целью обеспечения конспирации.

Фактически действующие в сети Интернет-магазины по сбыту наркотических средств и психотропных веществ, по своей сути представляющие организованные группы и преступные сообщества (преступные организации), предполагают максимальную анонимность всех членов, в первую очередь организатора и руководителей. Это означает, что соучастники зачастую лично не знают друг друга, их осведомленность об остальных соучастниках и преступной деятельности может носить общий характер. Соответственно, между участниками группы или сообщества (организации) отсутствует непосредственное общение и взаимодействие, что зачастую используется стороной защиты для обоснования отсутствия соучастия как такового.

На практике распространены случаи, когда на определенных этапах преступной деятельности задействуются в качестве соучастников лица, обладающие специальными познаниями. При этом не всегда данные «спецы» осведомлены о других этапах совместной преступной деятельности и остальных соучастниках.

Тем не менее современная судебная практика исходит из того, что обстоятельство, когда некоторые члены группы не знакомы между собой, не знают друг друга в лицо, поддерживают связь только путем телефонных соединений, не имеет правового значения и не может поставить под сомнение вывод суда о признании группы организованной¹⁰. При этом «для организованной группы не является обязательной связь каждого из ее членов друг с другом»¹¹.

В связи с этим в научной литературе все чаще высказывается точка зрения о достаточности для признания соучастия, если лицу

¹⁰ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2017 по делу № 35-АПУ17-3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2019).

¹¹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.09.2015 по делу № 5-АПУ15-76 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2019).

⁹ См.: Рыльская О.А. Правовые основы борьбы с организованной преступностью за рубежом // Российский следователь. 2004. № 9. С. 40.

известен хотя бы общий характер преступной деятельности группы или преступного объединения¹².

Анализируя изложенное, следует учитывать, что с развитием информационно-коммуникационных технологий и повышением доступности электронных устройств усложняется механизм взаимодействия соучастников, обусловленный их удаленностью и анонимностью. В свою очередь, это затрудняет процесс доказывания признаков устойчивости и организованности преступных объединений в целом.

В настоящее время такие организованные формы соучастия наблюдаются при выявлении деятельности террористических и экстремистских организаций, а также преступных сообществ (преступных организаций), осуществляющих сбыт наркотических и психотропных веществ посредством Интернет-магазинов.

Так, международный и межрегиональный характер деятельности террористических организаций обуславливает дистанционные вербовку и взаимодействие их участников, в связи с чем последние привлекаются к уголовной ответственности в различных регионах страны.

В частности, приговором Приволжского окружного военного суда Ж. осужден за то, что в период с декабря 2013 г. по сентябрь 2014 г. участвовал в деятельности международной организации «Хизб ут-Тахрир Аль-Ислами» (далее — МТО), которая в соответствии с решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 признана террористической, а ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Ж. признан виновным в том, что в апреле 2014 г., находясь в своей квартире в г. Абакан Республики Хакасия, в присутствии сторонников принес клятву верности вышеупомянутой МТО. После это, осознавая основные цели данной организации — установление «Всемирного Исламского Халифата», пропаганду деятельности и активную вербовку новых участников, Ж., участвуя в пропагандистской деятельности МТО, с соблюдением конспирации проводил беседы со своими знакомыми К. и А., воздействуя на их религиозные чувства, склонял к участию в деятельности МТО¹³.

Другими словами, соучастие в международной террористической организации имело место в г. Абакане, то есть в десятках тысяч километров от места их активной деятельности на Ближнем

Востоке и в Северной Африке (Египет, Сирия, Марокко, Тунис, Судан, ОАЭ, Йемен, Кувейт, Палестина, Иордания, Ливия, Ирак, Турция), в Южной и Юго-Восточной Азии (Бангладеш, Пакистан, Малайзия, Индонезия), в Австралии, в странах СНГ (Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Азербайджан, Украина, Белоруссия). На территории России участники данной террористической организации выявлялись и привлекались к уголовной ответственности в Москве, Екатеринбурге, Крыму, Челябинске, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах¹⁴.

Такая экстерриториальность накладывает свой «отпечаток» на природу соучастия, которое осуществляется дистанционно и анонимно, а значит, привлечение к уголовной ответственности всех участников террористической (экстремистской) организации (сообщества) на какой-либо конкретной территории усилиями правоохранительных органов одной страны или одного региона фактически невозможно.

Аналогичные схемы взаимодействия соучастников преступных объединений в целях конспирации интенсивно развиваются. Следовательно, традиционный институт соучастия в преступлении потребует адекватных изменений от российского законодателя, чтобы виновные лица не могли избежать ответственности по причине устаревшего уголовного законодательства.

Таким образом, перспективы развития института соучастия в преступлении и его правоприменения в современных условиях видятся в следующем:

Во-первых, в целях рационализации следственной и судебной практики подлежат исключению наиболее спорные, пускай и классические, формы соучастия «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору». По причине отсутствия принципиальных уголовно-правовых различий между совершением преступления «группой лиц», «группой лиц по предварительному сговору» и «соучастием» для формирования единообразной практики, полагаем обоснованным введение квалифицирующего признака преступлений — «в соучастии или с участием лиц, не способных нести уголовную ответственность». Вместе с тем при исключении квалифицирующего признака «организованной группой», преступления, совершенные в составе организованных форм соучастия, подлежат квалификации по совокупности с криминализированным созданием, руководством и участием в организованной группе либо с преступлениями, предусматривающими ответственность за организацию преступных объединений.

¹² Напр.: Дмитренко А.П., Русскевич Е.А. О нетипичных аспектах соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 5. С. 20–21.

¹³ Приговор Приволжского окружного военного суда от 05.09.2016 // Архив за 2016 г. Дело № 1-4/2016.

¹⁴ Википедия. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.02.2019).

Во-вторых, международные обязательства по ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. повлекут за собой имплементацию в российское уголовное законодательство положений о минимальном численном составе организованных групп и преступных объединений. Формализация числового критерия участников преступных объединений неразрывно связана с формализацией минимального числа определенных деяний, составляющих преступную деятельность, что послужит основанием для уголовного преследования как физических, так и юридических лиц.

В-третьих, интенсивное развитие современных информационно-коммуникационных средств способствует совершению преступлений в соучастии на экстерриториальной основе, дистанционно и анонимно, в связи с чем уголовное преследование участников террористических, экстремистских и иных преступных групп, сообществ и организаций по территориальному принципу ограничивается. Несмотря на то, что в настоящее время традиционный институт соучастия в преступлении в целом позволяет правоприменителям противодействовать участникам различных преступных объединений,

в том числе международных и межрегиональных, эволюционное, а также в ряде направлений революционное развитие общественных процессов и информационных технологий рано или поздно потребует изменений во всех институтах отечественного уголовного законодательства и сегментах правоприменительной практики.

Список литературы

1. Белова Н.В. Признаки соучастия в современном российском уголовном праве // Закон и право. 2014. № 2.
2. Гаухман Л.Д. Соучастие в преступлении. М. 1998.
3. Дмитренко А.П., Русскевич Е.А. О нетипичных аспектах соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 5.
4. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов. URL: <http://www.gallicismes.academic.ru> (дата обращения: 01.02.2019).
5. Иванов Н. Критерии разграничения преступных группировок // Российская юстиция. 1999. № 5.
6. Качество уголовного закона: проблемы Общей части / Отв. ред. А.И. Рапог. М., 2016.
7. Рыльская О.А. Правовые основы борьбы с организованной преступностью за рубежом // Российский следователь. 2004. № 9.

The Problem About the Development of the Perspective the Institute of Complicity in the Crime and its Use in the Modern Circumstances

Mondokhonov Andrey,

PhD (Law), First Deputy Prosecutor
of the Republic of Khakassia
E-mail: andrmoni@yandex.ru

Abstract. *The author of the research-based conclusion about the prospects of development of complicity in a crime and its enforcement in modern conditions. With a view to the unification of the Institute of complicity and group crime it is proposed to replace the qualifying trait of offences "group of persons" and "a group of persons by prior conspiracy" for classifying sign of committing crimes "in complicity on involving persons who are not capable of criminal responsibility», exclude classifying sign of committing crime "organized group" with the criminalization of the creation, management and participation in an organized group. Based on the experience of international law, as well as criminal legislation of foreign countries, expedience implementation in Russian criminal legislation of quantitative criteria of differentiation of organized groups and irregular. Places particular emphasis on intensive development of information and telecommunication technologies, which makes the remoteness and hence the remoteness and anonymity of the involvement of accomplices in criminal activities, including terrorist, extremist, in drug crime.*

Key words: *complicity; group of persons acting in conspiracy; organized group; criminal association; extraterritoriality; defining trait; the experience of foreign countries; formalization; numerical criterion.*

References

1. Belova N.V. Priznaki souchastiya v sovremennom rossijskom ugovolnom prave // Zakon i pravo. 2014. No. 2.
2. Gauhman L.D. Souchastie v prestuplenii. Moscow, 1998.
3. Dmitrenko A.P., Russkevich E.A. O netipichnyh aspektah souchastiya v prestupleniyah, sovershaemyh s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2017. No. 5.
4. Epishkin N.I. Istoricheskij slovar' gallicizmov. URL: <http://www.gallicismes.academic.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2019).
5. Ivanov N. Kriterii razgranicheniya prestupnyh gruppirovok // Rossijskaya yusticiya. 1999. No. 5.
6. Kachestvo ugovalnogo zakona: problemy Obshchej chasti / Otv. red. A.I. Rarog. Moscow, 2016.
7. Ryl'skaya O.A. Pravovye osnovy bor'by s organizovannoj prestupnost'yu za rubezhom // Rossijskij sledovatel'. 2004. No. 9.

